

Опасные
удовольствия

ЯНА РОЗОВА

БЕЗМЯТЕЖНОЕ ЗЛО

Опасные удовольствия

Яна Розова

Безмятежное зло

«Центрполиграф»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Розова Я.

Безмятежное зло / Я. Розова — «Центрполиграф»,
2020 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-08536-8

Не зря Феня, частный детектив, умница и красавица, не хотела ехать на «безопасный горнолыжный курорт». В первый же день она стала свидетельницей убийства – тридцатисемилетнему преподавателю университета среди бела дня в кафе перерезали горло. Вдова убитого указывает на сводного брата мужа, у нее самой алиби. Но Феня подозревает прелестную голубоглазую вдову в соучастии в убийстве, ведь зло порой выглядит на редкость привлекательно и безмятежно...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08536-8

© Розова Я., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Яна Розова

Безмятежное зло

Серия «Опасные удовольствия»

Разработка серийного оформления художника Е. Ю. Шурлаповой

© Розова Я., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2020

* * *

Часть первая

Парня в горы тяти

В первый же день своего пребывания на горнолыжном курорте в Приэльбрусье Феня оконфузилась: упала в обморок прямо на трассе. Может быть, кому-то это и не показалось бы стыдным, но Феня кусала себя за все места (не физически, конечно, а ментально): ужас какой – собрались вокруг все родственники, потом и прочий народ, захлопали крыльями, а она лежит в снегу, принцесса такая!

Инструктор, молодой, симпатично небритый парень Таулан, размазал ей по фейсу пригоршню снега, пытаясь привести в чувство. Потом обморочную дамочку торжественно препроводили в самое дружелюбное из шести очень дружелюбных местных кафе. Хозяйку здесь звали Зуйбадат. Увидев бледную дамочку в окружении целой свиты сочувствующих, она тоже захлопотала, разругалась на метры над уровнем моря, магнитные бури и прочее.

Зуйбадат помогла Фене подняться по крутой деревянной лестнице на низенький второй этажик, занятый одной-единственной комнатенкой, и принесла спецнабор местного туриста: коньяк, кофе и хычин.

Феня чувствовала себя вполне сносно, просто ощущала некоторую слабость, вот и все. Она припомнила, что головокружения ее донимали в юном возрасте, но потом это прошло. Возможно, голова перестала кружиться из-за энергичных утренних зарядок, которые Феню не убивали, а делали сильнее. А может, таковы оказались преимущества возраста. И вдруг нате вам – только влезла на сноуборд, как внутри мозга зазвенело, колени подкосились и... бух!

Слопав хычин и опустошив рюмочку ароматного коньяка, Феня лежала в комнатке над кафе Зуйбадат, мирно задремывая, словно погружаясь в завитки метели. Прошло, наверное, немало времени, как вдруг снизу донеслось цок-цок, цок-цок... И тихие голоса, и вскрик, и протяжное ужасное «А-а-а...», будто из чьего-то горла выходила жизнь.

Феня открыла глаза. Она не сомневалась звуки ей не приснились.

Прислушиваясь, Феня спустила ноги в теплых носках на деревянный пол. Она боялась, что скрип выдаст ее с потрохами, но этого не произошло. Снизу снова донесся цокающий звук чьих-то торопливых шагов, и тоскливо скрипнула пластиковая входная дверь, с трудом противостоявшая напору ветра снаружи.

Феня бросилась к окну. Эти домишки на склонах, построенные на скорую руку, возводились совсем невысокими, поэтому из окна второго этажа можно было рассмотреть многое. Она увидела, как от кафе Зуйбадат в полупрозрачную ласковую (если смотреть из теплой комнатки) вьюгу уходил человек в ядовито-желтой тонкой пелерине, на которой синела надпись «Инструктор». Невозможно было не заметить, что инструктор перемещался по снегу и наледи с сомнительной грацией пьяного бегемота.

Феня уже открыла рот, чтобы заорать в окно: «Ловите его!» Но окно не открылось, да и надо ли было его ловить?..

И вдруг он обернулся.

Не успев скрыться, Феня попала на линию огня недоброго взгляда черных глаз. Инструктор смотрел на нее в прорезь черной балаклавы, и это было несправедливо: Фенино обнаженное любопытное лицо против его опасного инкогнито. Замерев от испуга, какой-то частью сознания Феня отметила, что он был очень похож на Таулана – ростом, повадкой, одеждой. Дутая куртка и лыжные штаны инструктора не могли скрыть жилистость его невысокой фигуры. Кажется, инструктор раздумывал: вернуться и убить эту дурочку в окошке или ну ее

в болото. Выбрав второй вариант, он отвернулся и направился к месту посадки на канатку. Возле канатки толпились люди, уезжающие вниз, поднявшиеся наверх, местные и приезжие. Человек в пелерине стал сливаться с ними, пока не слился.

Феня рванула по ступенькам вниз.

А там, посреди комнатки с восемью столами, уже стояла Зуйбадат.

– Что же это? – хрипло сказала она, разводя руки.

Тот, чьи хрипы разбудили Феню, сидел за угловым столиком, прямо возле двери. Его лыжный костюм был залит кровью. За его правым плечом, на обшитой пластиковыми панелями цвета сливок стене, влажно блестел кровавый след, напоминавший лезвие косы.

– Не трогайте ничего! – крикнула Феня, подбегая. – Вызывайте полицию!

Она надеялась, что жертва еще жива. Приподняв его веко, теплое, будто живое, Феня убедилась, что зрачок остался неподвижен.

В руке Фени оказался мобильник, она набрала номер Валерки Мирончука, который катался на склоне вместе со своими сыновьями.

– Вы где были в момент убийства?.. – спросила Феня хозяйку кафе.

– Я? – Зуйбадат обернулась, блестя карими глазами и уже шмыгая римским носом. – В кухне, лагман делала. Он, – Зуйбадат посмотрела на труп, – лагман заказал. Два лагмана.

Из мобильного в руке Фени прозвучал голос Валерки:

– Фенька? Ты еще живая?.. – Он тяжело дышал, значит, катался всюду.

– Я-то живая, но тут... – Феня впервые посмотрела на сидящее в углу мертвое тело. – Давай сюда, скорее! Человека убили. Сейчас полиция приедет, и ничего уже не узнаем.

Валерка не спросил, что случилось, а прервал разговор, что означало: он прибудет в ближайшем будущем. Общались Феня и Валерка (бывшие недолгие супруги и вечные верные друзья) не всегда просто и гладко, но в том, что касалось их совместной деятельности, – просто идеально.

Решение поехать на неделю в горы принял папа. Авторитарным методом. Наташка, его новая, просто новейшая, жена, она же – любимейшая Фенина подружка, тут же поддержала Владимира Николаевича: а как же, надо ехать в горы! При том, что Наташка вообще не понимала, что это означает. Думала, небось (Феня знала мысли Вязниковой как собственные), по снежку побродим, насладимся видами, выпьем глинтвейну. Увы, Наташечка, пампушечка ты наша, папа подразумевал иное.

Владимир Николаевич Фенин много лет прожил за границей, в Германии. Там женился, окопался, работал и развлекался. А развлечения он всегда предпочитал спортивные, такие, чтобы потом, потягивая коньячок и дымя ароматной сигареткой, можно было бесконечно описывать приятелям, морщась при каждом движении от ожогов молочной кислоты в мышцах. Он и на водных лыжах летал, и серферил просторы прибрежных вод в разных экзотических местах, но, как человек русский, особенно любил зимние виды спорта. Однажды, отдыхая в Альпах, Владимир Николаевич освоил сноуборд и так им увлекся, что, вернувшись в Россию после смерти немецкой жены, заскучал по альпийским трассам.

В Приэльбрусье, то есть в местные горы, долго ехать не решался – по старой памяти они казались ему дикими и опасными. Переубедили его новые старые друзья, с которыми он восстановил отношения после возвращения в Россию. Многие из них гоняли в Домбай, Архыз или Приэльбрусье чуть ли не каждые выходные, катались на лыжах и борде, парились в баньках, сидели в кафе, угощались хычинами и нежным коньячком (уж где местные нашли эту коньячную магистраль, чтобы к ней присосаться, выяснить никто не мог – национальный секрет).

По свидетельствам друзей, горы теперь не были опасными, боевики там толпами не ходили, туристов в заложники не брали и не убивали. Впрочем, Владимир Николаевич сознавал, что и сидя тихо дома, можно нарваться на крупные проблемы. Его зять – Валерка Мирон-

чук, хозяин детективного агентства «Просто Бонд», – не раз и не два рассказывал ему случаи из своей практики. Случаи из разряда «чур меня»!

Итак, Владимир Николаевич решил, что надо осваивать эти местные горы, раз он живет теперь тут. Когда-то, в детстве и юности, он ездил в эти места, но зимой – никогда. Зимой ездили исключительно спортсмены, конкретно – лыжники, а Владимир Николаевич в те времена лыжником никак не являлся. А летом, весной или осенью горы были совсем другими, и в памяти бывшего иммигранта остались обрывочные воспоминания: запах грибов, хвои, одышка от крутого подъема и вид, который открывается перед тобой, усталым и потным, когда ты отрываешь взгляд от поднятой перед тобой на сорок пять градусов земли и оборачиваешься к воздуху. Горы. Много вздыбленной и замершей навеки почвы с торчащими из нее, словно кости, скалистыми микроостровами. Воздух, небо, собственная незначительность и неадекватный восторг.

Освоение местных гор Владимир Николаевич начал с разведки боем. Купил непромокаемые штаны, куртку, ботинки на толстой подошве и прибил к стае своих приятелей-лыжников. Съездил на выходные и вернулся в полной уверенности: вот оно, нашел! Горные склоны вполне для сноуборда достаточные, снаряжение можно взять напрокат, есть комфортный подъемник с кабинками, есть где передохнуть.

И вот, в самом начале ноября, при попутной снежной погоде он повез в горы свою новую русскую жену Наталью с дочерью Варварой, собственную дочь Шурика, зятя (мужа другой дочери, Майи) Валерика и троих внуков – Илью (пятнадцати лет от роду), Данила (тринадцати лет) и Степана (десяти лет) в горы.

Перед путешествием он собрал семью за ужином и объявил им о своем решении. Форму выбрал патриархальную: папа сказал – ехать.

И первое, что услышал в ответ:

– Не хочу! – от родной доченьки.

Да, Феня сопротивлялась этой поездке, как сопротивляется ребенок родителю, волокущему его от любимых игрушек к другим игрушкам, еще незнакомым. Фене и так было хорошо. Она обожала свою работу в брачном агентстве, руководимом Наташкой. Она с огромным восторгом участвовала в расследованиях Валерки, если тот нуждался в ее помощи. И те самые одинокие вечера, которые так пугают незамужних дам, самодостаточная Феня счастливо проводила в своей собственной уютной, удобной, небольшой, светлой, чистой, такой любимой квартире. У нее были горы книг, недавно купленный восхитительный умный ридер плюс море кино онлайн. Вот спрашивается, куда и зачем бежать от этого?

Фенин протест заставил папу нахмурить брови:

– Остальные – за? – Он сурово смотрел на семью.

– Ой, надо поехать! – замурлыкала Наталья. – Хочу горы увидеть, сто лет там не была.

И Варьку с собой возьмем.

– И нас возьмем! – заявил Степка, переглянувшись с братьями.

– В общем, я не против, – поддержал сыновей Валерка.

Восторженное единодушие родни испортило Фене настроение. Она мечтала эти выходные посвятить одному исключительному британскому детективному сериалу. А горы!.. Да зачем они ей?

До самого конца воскресного обеда Феня молчала с обиженным видом. И это на фоне радостного щебетания семьи по поводу поездки. Все были возбуждены предстоящим путешествием, а папа подогревал восторг описанием наслаждений, испытываемых сноубордистом, сноубордящим заснеженную трассу.

«Ветер в харю, а я шпарю!» – мысленно прокомментировала его рассказ Феня.

На следующий день папа привез Наташку, ее шестнадцатилетнюю дочку Варвару, внуков, зятя и перекошенную недовольством Феню в спортивный магазин, чтобы одеть их и обуть в дорогу.

Пухленьким Наташе и Варе дутые штаны и куртки удивительно шли – в них они напоминали милых мишек. Валерка одел себя сам – в вещи сдержанных цветов и высокого качества, что было ему свойственно. Его отпрысков, голосистых, крепких парней, закаленных хоккеем, футболом, карате и всеми доступными в Гродине видами детского спорта, дед нарядил в вещи из палитры «вырви глаз». Как сам объяснил, чтоб шпану в снегу не потерять. И только Феня все выкаблучивалась перед стойками. Наконец Наташка прикрикнула на нее и даже ущипнула за тощий бок, заставив взвизгнуть на весь магазин. Это помогло: Феня решилась на покупки и приняла чуть более лояльный вид.

Привезя ее к подъезду, папа сказал на прощание:

– Я вижу твое настроение, Шурик, но я не буду обращать на него внимание. Мы с тобой слишком похожи, поэтому я точно знаю, что, когда ты станешь на борд и у тебя начнет получаться, ты полюбишь горы так же, как и я.

Увы, но папиным словам пока сбыться не пришлось.

В Приэльбрусье отправились на двух машинах. В первой, «мицубиси» Владимира Николаевича, ехали сам Владимир Николаевич, Наталья, Варюха и Феня, а в «УАЗе-патриоте» Валерки – он с сыновьями.

Горы Баксанского ущелья, серые в то осеннее утро, не радовали глаз, воздух был пропитан влагой, небо нависало над дорогой, за вершины цеплялись тускло-сизые облака. Голые леса, серые камни – пейзаж тоски.

Склоны под Эльбрусом – самой высокой точкой Европы, согласно наиболее патриотичным исследованиям, – оказались совсем не такими, как ожидала Феня. Она помнила равнину от горы до горы, страшенькую во всяких смыслах канатку, несколько гостиниц, построенных при Советах и закрытых в перестройку, а также утлый рыночек. Ныне все было иначе. Прилежащие к поляне Азау территории заполнили частные гостиницы, очаровательные в своей претензии на куршевельский шик. Впрочем, папа нашел-таки место, где пыль в глаза не пускали, но было тепло, имелись удобства, горячая вода и чистое белье.

Побросав вещи в номерах, Фенины и Мирончуки отправились на склон. К началу трассы поднимались в жутко дорогом – по Фениным меркам – фуникулере из прозрачного пластика, позволявшем обозреть природные роскошества горных склонов. Глядя сверху на широченные трассы, наполненные туристами в ярком облачении, Наталья вдруг начала понимать, что поездка станет для нее испытанием: это будет реальный спорт на открытом воздухе, на высоте под пять тысяч метров, в разряженном воздухе, где гуляет игривая ледяная метель.

«Ага, Наташка! Не ожидала!» – маленько позлорадствовала Феня.

На втором уровне отец решил и остаться. Выше, как рассказали туристы, ветрило страшно.

Отец пристроил своих девок к инструкторам, а сам занялся зятем и внуками. Тогда-то Феня и познакомилась с Тауланом, как и все инструкторы, одетым поверх лыжного костюма в желтую пелерину. Таулан взялся обучать Феню застегивать сноуборд, вставить на него – пока на ровном месте. При этом невольно смешил ее, делая в слове «ноги» ударение на «о»:

– Вставай сразу на обе нѳги! На обе нѳги!

Таулан, не стесняясь, рассказывал, что он не профессиональный спортсмен, просто работать больше негде. Если хочешь попасть в хорошее место (это с зарплатой около двадцати тысяч рублей), то заплати от двухсот до пятисот тысяч большим людям. Пока ты отобьешь эти деньги – сколько лет пройдет? Да и нечем заплатить за эту синекуру семье Таулана. Поэтому

зимой Таулан работал инструктором, а летом перегонял машины – из Гродина в Черкесск или из Краснодара в Гродин.

Феня подумала, что туристы здесь – единственный источник дохода, потому-то люди очень приветливы, сразу узнают твое имя, интересуются, кто вы да откуда, предлагают помощь. Чтобы приезжали сюда, чтобы была возможность заработать, ведь как-то надо жить.

Тем временем он обучал Феню вставать на борд со снега, попрыгать вместе с пристегнутой доской на месте, а потом – начинать кататься. Минут за пятнадцать Феня благополучно отбила филейную часть, плюхаясь назад при каждом удобном и неудобном моменте.

В пятидесятый раз став «на обе ноги», Феня рухнула в обморок.

Валерка прибежал спустя десять минут. Пристроил борд у двери, снял толстые перчатки, стянул шапочку. Его лицо было красным, встревоженным.

Приблизившись к телу, констатировал безо всякого удивления:

– Фух... Горло перерезано. Ты видела, как это случилось?

Феня едва успела сказать, что разглядела убийцу из окна, но он был в маске, как в разговор вмешалась утирающая слезы Зуйбадат. Мешая от волнения русские и кабардинские слова, она рассказала свою историю: вышла из кухни, потому что забыла спросить у посетителя, не налить ли ему чаю, а он уже весь в крови! Входил ли кто-то, Зуйбадат не слышала. Раньше на двери был колокольчик, да нитка перетерлась...

– Полицию вызвали, – дополнила рассказ хозяйки Феня.

– Вы на дверь повесьте табличку «Закррито», – распорядился Валерка. – Я – детектив, с полицией сам объяснюсь.

Он достал фотоаппарат, сделал снимки.

– Ты думаешь, что тебе закажут расследование? – спросила Феня.

– Ну а почему бы и нет?..

Валерка хотел быть готовым к любому обороту дел. Он залез во внутренний карман куртки убитого, достал паспорт. Вадим Кокарев, из Гродина, тридцать семь лет.

– Лицо знакомое, – заметил детектив, наводя объектив на пятно крови на стене. – Впрочем, когда живешь в такой деревне, как наш великий Гродин, половину горожан знаешь в лицо. – Он призадумался, вспоминая, где мог видеть Кокарева, но не вспомнил.

Феня попросила у Зуйбадат еще коньяку и села за дальний столик. Она еще ни о чем не думала, а просто ждала продолжения. И кстати, надо отцу позвонить, предупредить, что они с Валеркой снова вляпались во что-то очень интересное.

Минут через десять в дверь кафе постучала девушка в розовом костюме. Феня открыла.

– А меня тут муж должен ждать, – сказала она, приняв Феню за работницу кафе. – А вы закрыты?

– Его зовут Вадим Кокарев? – уточнила Феня.

– Да... – Девушка моментально изменилась в лице. – Что-то произошло?

Феня вышла к ней из кафе и рассказала, что произошло. Девушка побелела, затряслась и вдруг закричала. Феня втощила ее в кафе, усадила в уголок. Валерка стал перед трупом, чтобы она его не увидела.

Зуйбадат уже принесла девушке коньяка и остановилась рядом, прикрыв рот руками.

– Как это он мертв?.. – прошептала девушка. На ее голубых глазах выступили слезы.

Она стянула смешную шапку в виде дракончика, освободив удивительно красивые золотые кудри. Нежность кожи, округлые щечки, пухлые губки – девушка уступала супругу в возрасте лет на пятнадцать.

Несколько минут она пила коньяк, глубоко дышала по Фениной инструкции. В перерывах между вдохами и выдохами представилась Ладой. Минут через пять смогла начать рассказ о себе и муже, спокойно передавая факты, не романтизируя их. Она казалась вполне успокоившейся.

Оказывается, Вадим был преподавателем Гродинского университета (Валерка тут же припомнил: он проходил курсы для управляющих при универе, и Кокарев читал им лекции по психологии управления), а Лада до недавнего времени была его студенткой. Однажды Вадим пригласил Ладу в ресторан, она согласилась. Они начали встречаться. Через месяц Вадим купил квартиру и сделал Ладе предложение.

Сама Лада приехала в Гродин из очень далекого села у самой границы с Дагестаном. Семья Лады состояла из замученной хлопотами матери, пьющего отца и троих младших сестер. Феня заметила, что о родственниках Лада вспоминает весьма сухо.

Валерка решил, что Лада уже достаточно успокоилась и может увидеть мужа. Он отошел от тела, и вдова вдруг затряслась – словно бы от страха. Феня наблюдала за ней, слушая свою интуицию, а именно этого и ждал от нее Валерка.

– Мы женаты всего год! – утирая слезы, заговорила Лада. – Всего только год, боже ж мой! А вы кто? – спросила она у Валерки.

Тот представился.

– Значит, вы мне поможете! – с неожиданной решительностью заявила Лада. – Я знаю, кто его убил, только мне никто не поверит. А я заплачу вам, правда заплачу. У меня есть деньги!

В дверь кафе постучали. Прибыли местные полицейские.

Полиция действовала быстро и решительно. Представители власти стремились как можно скорее ликвидировать возможность утечки информации о «несчастном случае», как выразился старший опергруппы – майор Гурам Гафуров.

Это было понятно: местные власти хорошо понимали, что туризм будет процветать в этих местах только при условии полнейшей безопасности на Кавказе.

Майор бойко допросил Феню и Зуйбадат, его коллеги сфотографировали место преступления. Эксперт осмотрел кухню, изъяс все ножи. Патолог сообщил уже известное: Кокарев умер от кровопотери, убийца пересек ножом сонную артерию. Эксперт долго смотрел на след крови на стене, качая головой. Феня словно прочитала его мысли: жестокий и решительный удар, с отлетом. Убивал так уж убивал. Без сомнения, без шанса на спасение.

Валерка разговаривал с Гафуровым минут двадцать. По опыту прежних расследований он знал, что полиция всегда будет смотреть на него косо – лезет тут, пиджачник, мешается. Поэтому все, о чем он мечтал, – добиться лояльности от представителей власти, раздраженных иллюзиями о детективном гонораре. Многие были уверены, что за то же самое, за что они получают скромную зарплату, Валерка Мирончук, владелец детективного агентства «Просто Бонд», деньги гребет лопатой. Иногда так и было, но далеко не всегда.

На этот раз поладить с майором Валерке удалось. Или не удалось, если судить по холодной улыбке Гафурова и его ультиматуму: вы мне не мешайте работать, а я не буду мешать вам. Этого было достаточно.

Вскоре приехали медики. Тело было спущено по одному из заснеженных склонов просто на носилках. Феня видела, как доктора надевали взятые в прокат лыжи, но остальное, к сожалению, осталось для нее за кадром.

К вдове полицейские отнеслись сочувственно. Лада сказала, что понятия не имеет, почему мужа убили, – больше ее не трогали. Валерка сообщил, что он – родственник вдовы, пообещал о ней позаботиться. Гафуров этому только обрадовался.

Узнав от Фени, как выглядел убийца, Гафуров тут же объявил охоту на инструкторов в пелеринах. Феня попыталась убедить горячего кавказского майора, что преступник уже сто раз как снял свою перелину и закопал в снег, но ее не послушали. Полицейские начали рейд по заведениям общепита, и любопытная Феня увязалась следом, наивно надеясь, что узнает убийцу.

В ближайшем кафе «Эдельвейс» полицейские обнаружили пьющих чай шестерых инструкторов в пресловутых перелинах. Их задержали, привели к Зуйбадат. В числе задержанных оказался и Таулан.

Таулана было очень жалко, он с ужасом смотрел на Феню, подозревая ее в каком-то злом умысле. Она же, напротив, относилась к парню с симпатией. У него было хорошее узкое и широкоскулое, как у индейца в кино про Дикий Запад, лицо, а в глазах читалась беззащитность простого человека. Настоящая беззащитность, без хитрецы или желания разжалобить.

Таулан происходил из семьи, едва сводящей концы с концами. Его родные – отец с матерью, много братьев и сестер, а также многочисленные родственники – жили в ауле, где из десятка домов пустовала почти половина. Молодежь не хотела кормиться с земли, ей мечталось о лучшей жизни в городах. Ездить под лезгинку на черных отечественных машинах с низким клиренсом, отдыхать в кафе, носить остроносые лаковые туфли и модные джинсы, отсчитывать крупные купюры брезгливыми движениями хватких пальцев. Но такая жизнь могла получиться, только если ты из богатой семьи со связями. А у Таулановых родственников всего этого не было. Поэтому, когда Таулан попал в нехорошую ситуацию, он остался один против воли многих чужих людей.

Феня сказала Гафурову, что Таулана можно не арестовывать, ведь на одежде убийцы должны быть брызги крови, но Гафуров сказал, что сменить перелинку с надписью «Инструктор» – пара пустяков, а Таулан отлично подходит под описание преступника, сделанное, кстати, самой же Феней.

– Нет, – возразила Феня. – Не подходит.

– Почему?

Гафуров дружелюбно улыбнулся, но его взгляд остался неприязненным: из узких прорезей, очерченных короткими густыми ресницами, смотрели светло-карие глаза, не меняющие выражения. Хмурился Гафуров или улыбался – в глазах оставалась запыленная настороженность усталого охотника.

Феня не хотела верить, что Гафуров обязательно нехороший человек, но вдруг ему придется любыми средствами закрывать дело? Вот скажут большие люди майору (некрупному чину): кого хочешь давай, но дело об убийстве на лыжной трассе, куда едут туристы со всей России, должно быть закрыто! А не дашь убийцу – прощайся с должностью, иди на трассу – нарушителей ПДД ловить! И что тогда сделает Гафуров? А Гафуров из всех подозреваемых выберет Таулана или такого, как Таулан, – нищего салагу без значимых родственников.

– Посмотрите, во что он обут, – посоветовала она.

– И что? Ботинки для борда или лыж.

Неопределенность ответа Феню не устроила.

– Так для борда или для лыж?

– Для борда, – тихо подсказал Таулан.

– Ну вот! – радостно сказала Феня. – Для борда! Таулан, потопай!

Таулан потопал по полу кафе – получилось звонкое дум-дум.

– Слышите? – спросила Феня. – Дум-дум. А я слышала цок-цок.

– Лыжные ботинки, – снова тихо подсказал Таулан.

– Он мог бы переодеть...

– Это заняло бы минут десять, – объяснила Феня. – А Таулан обедал в кафе «Эдельвейс» с другими инструкторами. И они уже полчаса сидели там все вместе.

Гафуров посмотрел по сторонам, раздумывая. Проверил ботинки других инструкторов, выяснилось, что Таулан один был в ботинках для борда, остальные – в лыжных. Его отпустили.

– Спасибо вам, – сказал Таулан, догоняя Феню, которая поспешила в кафе Зуйбадат. Она слегка подзамерзла на пронизывающем ветру, завидуя проносившимся мимо лыжникам и фристайлерам, согретым азартом и движением. – Вы меня спасли!

– Да ну... – Феня улыбнулась инструктору и ускорилаь.

– Теперь я буду вас бесплатно учить, сколько захотите!

– Спасибо!

– И всю вашу семью тоже!.. Если бы меня арестовали, моим родственникам пришлось бы откупаться, а у нас нет денег. Моя мама будет молиться Аллаху за вас!..

Спасительница еще раз улыбнулась, приложив ладонь к эпигастральной области, и шмыгнула за пластиковую дверь кафе. Поток благодарностей смущал скромницу Феню.

Гафуров велел Мирончукам не уезжать из Приэльбрусья, Зуйбадат – тоже. Хозяйка кафе пожалала плечами: «Если я уеду, то что с кафе будет?..» И едва ей позволили отмыть пятна со стены, как она схватилась за тряпку. А в кафе, уже не считавшееся местом преступления, набивалась Фенина шумливая семья.

Дети – мальчишки Мирончуки и Варюшка – на суету Зуйбадат даже не посмотрели. Их сознание так заполнилось снегом, так завьюжилось драйвом, что жизнь взрослых стала параллельным миром. Валерка объяснил детям, что произошло несчастье, поэтому они с Феней будут отвлечены от всеобщего отдыха. Илья, как старший и лучше всех воспитанный, спросил, не нужна ли отцу его помощь. Услышав отрицательный ответ, скрыл облегчение под недолгой гримасой озабоченности и плавно влился в беспорядочный разговор братьев и Варьки.

Феня мельком прислушалась к детям, ибо Варька с некоторых пор интересовала ее, и узнала, что, несмотря на свое неспортивное телосложение и принадлежность к заведомо кособокому девичьему племени, девчонка уже ловко кантовалась на борде.

– Тебе просто повезло, – пытался сохранить лицо мокрый, как дельфин, Степан. – На пухляке хорошо учиться. А я на боковой трассе катался, льдистой. Вот и падал.

– Так шел бы на пухляк! – подсказала ему Варька.

Феня припомнила, что пухляк – это свежий снег.

А тем временем Зуйбадат отмыла кровь со стены – жизнь продолжалась. Вскоре на столе появился чай из приэльбрусских, волнующе пахнущих детством трав, принесла варенье из еловых шишек, печенье, страшно вкусные хычины с сыром и мясом.

Наташка, которой из-за склонности к полноте приходилось отказывать себе в гурманских удовольствиях, порадовала себя, куснув Феню:

– Ты, Фенька, уже как Джессика Флетчер – куда ни придешь, там обязательно труп!

А папа расстроился: он приехал сюда и семью привез, потому что ему сказали, что тут безопасно. А какая же это безопасность, если человеку горло в кафе перерезали!

Рядом с ним присел перекусить и Гафуров.

– В том-то и дело, – заметил он, – мы должны сохранить информацию о происшествии. Я велел, чтобы работники канатки говорили туристам, что человеку плохо стало и пришлось вызвать скорую. Слухи, конечно, все равно поползут. По-хорошему, я бы сейчас канатки перекрыл да допросил бы каждого на этом уровне. Но люди запаникуют, и каждый турист в своем твиттере-шмиттере напишет, что у нас в КБР людям горло режут! Нельзя Так что преступник...

– Удрал давно, – закончил за него Владимир Николаевич. – А у вас есть версии, кто убийца?

– Либо что-то личное, либо кому-то понадобилось опорочить наш курорт. Второй версией я сам займусь, и не дай Аллах, она подтвердится – убийце не завидую!

Гафуров сверкнул глазами и доел свой хычин с картошкой и зеленью. Через несколько минут Феня заметила его рядом с Ладой. Любопытному консультанту детективного агентства удалось расслышать, что майор попросил номер телефона ближайшего родственника Вадима Лада достала из кармана обрывок бумажки и продиктовала Гафурову какие-то цифры. Фене

удалось разобрать только имя «Олег». Капитан поблагодарил ее, подошел к Валерке. Они обменялись номерами телефонов. Вежливо попрощавшись, полицейский уехал на канатке.

Теперь к Ладе подсел Валерка, и Феня позволила себе приблизиться.

– Что вы делать будете? – спросил он.

– Буду ждать, пока вы не поймаете убийцу. – В голосе Лады звенели истеричные нотки, но она держалась просто великолепно. – Я изучала юриспруденцию в институте, знаю, что надо иметь доказательства того, что именно этот человек и есть убийца.

– Именно какой человек – убийца? – спросила Феня.

– Брат моего мужа, – спокойно ответила Кокарева. – Олег Кокарев.

Валерка приподнял бровь. Вид у него был одновременно располагающий и значительный. Феня всегда веселилась, наблюдая за бывшим мужем, единственным человеком из знакомых ей людей, умевшим играть свою роль в жизни так точно, тонко и умело: частный детектив, здравствуйте.

Как и большинство клиентов Валерки, Лада купилась на его игру. Она чуть ли не отдалась ему взглядом, ощутив, что сейчас этот симпатичный мужчина – ее опора, ее будущее, то самое плечо. А следом последовал ее рассказ.

– Олег – брат моего мужа, – начала Лада, рассматривая ажурную выюжную пелену за окном кафе. Пелена временами рвалась, и тогда можно было не столько увидеть, сколько догадаться об окружающих громадах гор, прятавшихся от жадных взглядов туристов. – Олег моложе Вадика на пятнадцать лет, у них матери разные. – Тут Лада закатила глаза. – Наверное, надо с мачехи Вадима начать?

– Если это поможет расследованию, – пожал плечами Валерка.

Лада хотела произвести впечатление на детектива и смотрела только на него, что позволяло Фене спокойно ее разглядывать. Изучая объект, она вычленила главное в характере – глубокую уверенность Лады в себе самой. Какие уж на то были основания – непонятно, но молодая дама держалась почти повелительно, априори полагая, что каждому человеку в мире мечтается угодить ей.

– Мария Ивановна – абсолютная бездельница и эгоистка, – сообщила Лада. – Но самое кошмарное, что она нимфоманка. Когда Вадика было пятнадцать лет, она соблазнила его! Ей было тридцать пять, представляете?!

Отражая эмоции Лады – возмущенное презрение, – Валерка скорбно покачал головой.

– Вадик пережил страшный стресс, – продолжала Лада. – Он до сих пор как страшный сон вспоминал те времена.

Тут Феня брякнула:

– Она некрасивая?

– Какая, блин, разница? – вспыхнула Лада, впервые посмотрев не на горы и не на детектива, а на Феню. – Вы не понимаете! Вадиму некуда было деваться! Его мать умерла, отец женился на гулящей и подлой мегере Мария Ивановна слегка успокоилась, только когда родился Олег.

И снова Феня влезла, куда ее не просили:

– А он не сын Вадима?

– Нет! Вы что?!

Валерка держал на лице умное выражение, но Феня знала, что он: а) веселится; б) доволен Феней, так как она дестабилизировала Ладу. Вот сейчас-то и видно, что вдова Кокарева – дама в целом хладнокровная, но вспыльчивая по мелочам. Прямо как убийца. Вот только она была голубоглазой женщиной, а убийца – черноглазый мужчина.

Отпив из протянутой детективом фляжечки с коньяком, Лада продолжила:

– А год назад Вадик меня встретил. Мы полюбили друг друга, стали встречаться. Потом поженились.

– И Мария Ивановна препятствий не чинила? – Валерка словно прочитал Фенины мысли.

– Ну как ей со мной соперничать... – рассудительно заметила Лада. – Ей за пятьдесят, она просто морщинистая вся, обвислая!..

– Ладно, – то ли согласился, а то ли заткнул ей рот Валерка. – Но почему Олег решил убить вашего мужа? Мотив, повод, возможность? Вы просто подозреваете его или есть что-то большее?

– Мотив? – переспросила Лада. – Он просто ненавидел Вадика. Вадиму досталось все лучшее из генов отца: рост, ум, обаяние. А Олег – просто урод.

– Почему же именно сейчас Олег решил убить Вадима?

– Ну, Олег стал за мной ухлестывать. Мы на одном курсе учимся, так что возможность имеется. Говорил, что Вадик старый. Чушь, конечно.

– А что с имущественными претензиями? – поинтересовалась Феня.

Лада поморщилась, словно брезгуя столь низменной материей.

– Да что... Мария Ивановна живет по завещанию в квартире отца Вадика. Это большая четырехкомнатная квартира, лимона на четыре. Ну, ремонт там, все такое. Мебель Вадик купил. Он заботился о квартире Марии Ивановны, хоть и знал, что Олежка – наследник Вадик считал, что виноват перед братом. Он отказался от своей доли в квартире, еще после смерти отца. Мы с Вадиком живем в своей квартире, он ее купил к нашей свадьбе – тоже четыре комнаты, мебель, ремонт. То есть никто ни к кому не в претензии.

Детектив навис над столом, глядя Ладе в глаза.

– И вы верите, что Олег поехал сюда за вами, нашел удобный момент, переоделся инструктором, вошел в кафе и убил брата?

Лада кивнула.

– Мог ли Олег физически перерезать горло брату?

Она повторила кивок.

– У него есть такой опыт?

– Он очень жестокий и любит с ножами баловаться. У него даже был манекен, чтобы резать его ножом по-всякому. А еще Олег как-то убил собаку. Просто взял и убил бродячего пса!

Феню передернуло, она глянула на Валерку, того – тоже. Это был аргумент для них обоих, тайных собачников. Да и логически рассуждая, убийство животного – всегда первая ступень, а вторая – убийство человека.

После этого разговора Валерка повез вдову в гостиницу, а Феня вернулась на склон кататься на борде. Может, кому-то (Наташке) ее поведение и показалось странным («Чуть не на твоих глазах человека убили, а ты развлекаешься!»), но Феня считала, что ведет себя вполне логично: она ничем не может помочь следствию, значит, имеет право отдохнуть и отвлечься. Тем более что Таулан предложил заниматься с ней бесплатно, да и вьюга стала утихать.

И ближайший час, до самого закрытия трассы в 16.00, Феня осваивала скользкий и своевольный сноуборд, валявший ее то задом, то носом в снег столько раз, сколько ему хотелось.

Но были и хорошие моменты. Например, когда Феня уже немножко освоилась и начала кататься елочкой. Для этого надо было «резать» склон бордом туда-сюда от одного края к другому. Для лучшего постижения этого искусства Таулан становился напротив Фени лицом к склону, подавал руку, как партнер в танце, и они съезжали вниз, вальсируя и смеясь. Фене этот метод страшно нравился – и ловко выходит, и зад не отбит.

Всего за час Феня немыслимо устала и фантастически вспотела. Мокрым оказался даже отлет воротничка на ее трикотажной футболке, надетой под тонкий шерстяной свитерок. Этот факт Феня обнаружила в кафе у той же самой Зуйбадат, где решено было выпить чаю всей семьей.

За чаепитием народ делился своими успехами, а папа повторял как попугай:

– А вы видели, как я катаюсь?!

Понятно, что все немного спятили от адреналина и кислорода. Даже Наташка немного повеселела от свежего воздуха и любви. Феня вдруг ощутила, что она безумно рада за отца и подругу, они оба были хорошими людьми и ждали счастья. Ну и пусть он ей в отцы годится! Не в деды же.

Дети пребывали на пике восторга. Розовые от солнечных лучей, внезапно осветивших в последние двадцать минут вершину, и от ветра, они пищали и парили во всех смыслах – эмоционально и фактически, так как от их мокрых свитеров в прохладном воздухе кафе поднимался пар.

И все были счастливы.

...В гостинице семью встретил Валерка. Он выслушал восторги своих парней, а также тестя, совсем ошалевшего от счастья, посмеялся над жалобами Фени, стонавшей об отбитом копчике, но по замкнутому виду детектива было ясно, что он погружен в свое расследование.

После того как все приняли душ, перекусили и задремали в номерах, Валерка отозвал на перекур свою верную помощницу.

– Завтра я повезу Ладу в Гродин, – сообщил он. – Гафуров разрешил. Он передает дело нашим пентам, так как местные полицейские стопроцентно уверены, что Кокарева зарезал не террорист.

Они стояли на площадке наружной деревянной лестницы. Зевавшая от усталости и переизбытка кислорода Феня смотрела на горы, не имея воли оторваться. Ее окружала такая отрешенная красота, что Феня вдруг ясно ощутила всю несурзность убийства в этих местах. Горы говорили: «Что бы ни творили, букашки, мы стояли и стоять будем».

– А Лада уже рассказала свекрови и Олегу об убийстве? – спросила она.

– Гафуров рассказал Олегу – Лада дала его номер телефона. Олег тут же перезвонил Ладе и предложил приехать за ней из Гродина.

– Значит, он дома? Это не он убил Вадика?

– Выглядит именно так. Так ты поедешь с нами в Гродин?

– Да, – ответила Феня, не отводя взгляда от белых вершин. – Я хочу поговорить со свекровью Лады, – вызвалась она, вдруг позабыв о горах и сноуборде. – Ее образ по версии Лады выглядит... интересно.

– Ну да, старая нимфоманка. Жуть!

На следующее утро детектив, Феня и Лада уже мчались в Гродин в Валеркином «патриоте». Феня разместилась на заднем сиденье, сделав чисто интуитивный выбор: со спины за людьми всегда удобно наблюдать. Она прикрыла глаза, имитируя дрему. Валерка сначала удивился ее месторасположению, но позже догадался: она начеку, как спящая собака возле мясной лавки.

Лада уселась впереди. Она выглядела подавленной и беззащитной, провоцируя любого мужчину, находящегося в области ее воздействия, взваливать на себя обязанность заботиться о ней.

Игра Лады не казалась Валерке слишком ловкой: он понимал свою клиентку. Девушка компенсирует обаянием свою финансовую несостоятельность. Люди не понимали, что хозяин детективного агентства «Просто Бонд» часто брался за дела из чистого любопытства. Впоследствии он ругал себя за это – ведь еще имелись дети (три недоросля с хорошим аппетитом),

сотрудники (работающие только за зарплату), налоги, бензин, да еще куча всего, за что надо платить. К тому же бескорыстие или работа за интерес в Гродине считалась идиотизмом, а Валерке нужна была хорошая репутация в городе.

Блуждали в его голове и менее рассудочные мысли – о сексе, если говорить конкретно. Пожалуй, даже не о конкретном акте слияния с Ладой, так как это было бы неправильно с точки зрения клиентской политики, а о сексе в целом, которого ему не хватало. Как ни крути, а жена Валерки Майя вот уже несколько лет тянула срок в колонии. И сидеть Майе еще столько же, если Валерка не прыгнет выше головы и не найдет способ добиться пересмотра дела и смягчения наказания.

Проблема секса могла быть решена в любую минуту, но не решалась, хоть теща Валерки и транслировала заключенной дочери свою уверенность в том, что личная жизнь зятя преисполнена неслыханных удовольствий. И некоторые из них он разделяет с родной сестрой Майей – Феней, что являлось ложью. С Феней Валерку связывали дружба и работа, а вот Майю он любил и был идиотически ей верен. И это при том, что она предала и его самого, и их детей, и позитивы, на которые Мирончук в своей жизни опирался: честность, порядочность, верность. Майя активно участвовала в организации финансовой пирамиды, да еще и сожительствовала со своим подельником. Валерка до сих пор не мог об этом думать.

Детектив скрывал от своей подруги Фени еще одну, родственную, проблему. Он и прежде знал: пирамида, в которой так успешно трудилась Майя («Пирамиды Майи», – как шутил он), намощеничала огромные суммы денег, которые таинственным образом растворились перед тем, как большинство организаторов (кроме самого главного человека во всей этой структуре, охватившей значительную часть России) загремели в СИЗО. А недавно знающие люди сообщали, что деньги пропали именно из рук Майи...

В связи со всем вышеперечисленным, кокетство клиентки скорее отвлекало детектива, вместо того чтобы сосредоточивать на ее персоне. Он отбросил шелуху раздумий, лишь услышав прямой вопрос:

- Она ваша жена?.. – Лада кивнула через плечо на Феню.
- Сестра жены.
- Так вы женаты?
- И трое детей в придачу, – добавил он. – Вы их видели в кафе.

Лада глянула на него странным взглядом – восхищение в нем сменялось недоумением, разочарованием и снова возвращалось к восхищению. Валерка ей нравился все больше.

Дорога до дому заняла почти четыре часа. Все это время хитрая Феня прикидывалась спящей раскрасавицей. «Проснулась» она, только возле своего дома. Выскочила из «патриота», попрощалась со спутниками жестом ладони, как Сталин с Мавзолея, и поднялась в свою квартиру.

Дома она времени не теряла. Съела приличного размера миску спагетти с сыром, запила черным несладким растворимым кофе, приняла душ и оделась для визита.

Встреча была уже назначена. В центре города, в просторной ухоженной квартире, ее поджидала престарелая развратница Мария Ивановна. С ней Валерка созвонился еще вчера из приэльбрусской гостиницы.

Феня умирала от любопытства, представляя себе, как может Мария Ивановна выглядеть.

Она воображала высокую, статную (внушительный бюст, крепкий круп и тонкая талия между этими богатствами), волоокою женщину пятидесяти лет с пышными волосами. Однажды Феня видела фото престарелой порнозвезды в журнале и долго разглядывала ее, гадая, как это – быть порнозвездой с пятнадцати и до шестидесяти лет? Феня была асексуалом, но асексуалом, любопытным до чужих интересов и жизней.

Внешность Марии Ивановны ожиданий не оправдала. Феня знала, что сейчас ей за пятьдесят, но видела перед собой женщину такую старую, что ее возраст на глаз уже не определялся. Немного присмотревшись, Феня поняла, что старят это лицо не морщины, не пробивающаяся у корней крашенных волос седина, а ее тоска. Глубокая и мутная, похожая на стекшие с небес тучи, в которые кутались горы Домбая.

Первое, что сказала Мария Ивановна, было вопросом:

– Что мне делать теперь?

– Ну... – растерялась Феня, – делать то, что вам кажется уместным. А я прошу только помочь нам найти убийцу.

– Как помочь?

Мария Ивановна закурила.

– Расскажите просто все, что знаете о Вадиме.

Опустив взгляд на свои коленки, обтянутые мягким пушистым ворсом домашней пижамы, бывшая возлюбленная Кокарева задумалась.

– Да я все о нем знаю... Кроме имени того, кто сделал с ним это. А вы видели?..

– Нет, не видела.

Фене очень не хотелось причинять боль Марии Ивановне, но она понимала, что женщине нужна эта боль для шрама. Под шрамом так болеть уже не будет.

– Но его... его вы видели?

– Да.

– Этот майор, что звонил Олегу... он сказал: перерезано горло. Это правда?

– Мария Ивановна, это правда.

Женщина закрыла лицо руками.

Неожиданно Мария Ивановна предложила Фене кофе. Получив согласие, вышла из комнаты. Вернулась через десять минут с подносом и красными глазами.

– Вадим был мне как сын...

– Больше чем сын.

– Это Лада вам рассказала! – догадалась Мария Ивановна. – Ну конечно! Хорошо. Хорошо, что не надо темнить.

– Не надо, – согласилась Феня, отпивая кофе. Он был крепким и горячим.

– То, что я вам расскажу, полиция узнает?

– Это зависит от того, что вы мне расскажете.

– Ну и ладно! – Мария Ивановна вдруг покраснела, сравнив цвет щек с цветом белков глаз. – Мы с Вадимом любили друг друга. С его пятнадцати лет. Я знаю, что Лада вам рассказала, будто... ну, всякое. Она не то чтобы не знает правду, она не хочет ее знать. Она находится в полной уверенности, что любить можно только ее... Всегда удивлялась этим девочкам-полубогиням, выращенным мамой-дойрой и папой-комбайнером. Что питает неколебимую уверенность этих дев в собственной красоте, уме и прочих достоинствах?..

Мария Ивановна еще долго плавала в прелюдиях – хоть она и решила рассказать всю правду, но никак не могла начать. Наконец настроилась и заговорила о Вадиме:

– Я видела его фото, на которых ему семь, десять, двенадцать. Он всегда был хорошо сложен, всегда – мужчина. Такое тонкое лицо, такие глубокие карие глаза... Естественно, сначала я просто наблюдала, потому что мне нравилось смотреть на него. Нравилось называть его сыном, только чем дальше, тем меньше я видела в нем сына. Скорее приятного парня. И вы не поверите – он первый начал!.. Мне тогда было тридцать восемь, мужу – почти сорок. Он был хорошим человеком, только немного отстраненным. Женился на мне потому, что я напоминала ему его покойную жену. И когда муж меня увидел, он решил, будто это его второй шанс. Сплошная романтика.

Не успела Феня додумать одну из своих ассоциативных мыслей, как Мария Ивановна ее произнесла:

– Может, и Вадик в меня поэтому влюбился? Эдипов комплекс и все такое. И если хотите знать, то все началось с физического влечения. Чувства пришли гораздо позднее. В первый раз все случилось посреди белого дня. У Вадика начались каникулы, и у меня – тоже. Я же преподавала в институте. Проснулась утром, муж уже ушел. Пошла в ванную, а Вадик там почти голый. И, негодяй такой, не смутился, а обнял меня. Меня как-то околдовало то, что был он совершенно уверен в себе, как опытный соблазнитель... А потом говорил, что увидел обнаженную женщину впервые! Вот же врун!

Она рассмеялась. Смех закончился слезами.

– В тот же вечер я рассказала обо всем мужу. Это было несложно, потому что я точно знала, что Вадика люблю, а его – нет. Только стыдно было, что я не испытывала вины за все содеянное. Муж сказал, что меня не отпустит, сына выгонит, а то, что случилось, надо забыть. Я пошла собирать вещи, а он догнал меня и ударил. Прибежал Вадик, случились гадкие разборки. Мне стало тошно от того, что сын с отцом дерутся, и я объявила, что уйду от обоих. Добавила, что это мерзейшая сцена, я им обоим ее не прощу. Тогда муж смирился, а Вадик умолил меня остаться. И я не смогла уйти – он был такой... мой. Мы стали жить... Я переехала в комнату Вадика, муж остался в нашей спальне. Через какое-то время, как это всегда и бывает, мы с Вадимом поссорились. Даже не помню почему. Кажется, он слишком много времени проводил со своим одноклассником – забыла, как его зовут. Сейчас-то я понимаю, что он был еще ребенком, ему надо было играть с ребятами своего возраста. Муж утешал меня, я решила, что сделала ошибку, когда влюбилась в такого юного парня. Вернулась к мужу. Забеременела. И вот это был ужас!

– Почему?

– Мне бы хотелось ребенка от Вадика, – со вздохом ответила Мария Ивановна. – Но Вадик в детстве переболел малярией, он не мог иметь детей. Узнав, что будет ребенок, муж отправил Вадика в Москву учиться. Тогда я четко и ясно поняла, что муж чужой человек, а люблю я только Вадика. Родился Олег. И после этого мы оба – я и Вадим – словно с ума сошли! Я стала ездить к нему, он стал приезжать в Гродин. Нас объединяло настоящее глубокое чувство. Причем на этот раз не было никакого желания объявить обо всем мужу.

– Ну а потом ваш муж умер.

– Да, он умер. И я должна вам открыть правду: это я виновата в его смерти.

Феня насторожилась.

– Он покончил с собой, узнав, что мы с Вадимом снова вместе, – произнесла Мария Ивановна, разочаровав свою собеседницу. – Он наконец-то понял, что я не его бывшая жена, что я лишь похожа на нее. Он осознал ее не вернуть, в жизни не бывает второго шанса. До сих пор никто не знает о его самоубийстве, ведь у мужа было слабое сердце, решили, что просто случился приступ. Муж много работал в то время, хотел занять себя чем-нибудь, чтобы не думать обо мне и Вадиме. И вот я приехала от Вадика из Москвы, забрала Олежку у подруги, с которой всегда его оставляла, вернулась домой и нашла мужа мертвым. Он просто лежал на кровати, будто спал. Я вызвала скорую, набежали соседи, приехали друзья, все засуетились. Я отдала доктору медицинскую карту из поликлиники, где был указан диагноз, он написал в заключении о смерти: инфаркт миокарда. А позже в мусорной корзине я нашла пузырек от валиума. Думаю, муж выпил все таблетки разом, лег на кровать и умер. Все.

– Кто-нибудь знает о самоубийстве вашего мужа?

– О нет! – воскликнула Мария Ивановна с неподдельным ужасом. – Только я догадалась, но никому не сказала. Вадим бы себе этого не простил, а Олежка и так меня... мало любит – зачем ему давать новый повод нас упрекать?! После смерти мужа мы с Вадимом стали жить вместе, как муж и жена.

– Вам не мешала...

– Разница в возрасте? – Мария Ивановна, расслабившаяся и похорошевшая от своих воспоминаний, вдруг насупилась, углубив свои морщины. Ее голос слегка заскрипел: – Да, окружающие нам не могли простить нашего счастья. Его друзья меня стеснялись, выкали, держались так, будто я мать Вадика. Да еще эта нотка удивления: неужели же он трахает эту старую кошелку? – Мария Ивановна передразнивала кого-то, делая большие глаза и всплескивая руками, как рыночная торговка. – Гадко было их видеть. Впрочем, мои подруги вели себя не лучше. Сначала: ой, да как, почему, зачем? А потом просто все по очереди отвалились от меня, разошлись. Встретишь случайно: как дела? Нормально. И все. Но такова была цена нашей любви. Никто не понимал, что нас связывала любовь душ, а не тел.

Мария Ивановна потушила окурков в пепельнице, подлила Фене кофе, отошла к окну. Нетрудно было догадаться, что она скрывает слезы.

– Ну а почему же вы позволили Вадиму жениться на Ладе?

– Всему приходит конец, – обернулась Мария Ивановна. – То есть я по-прежнему люблю Вадима, но для любви нужны другие силы, а они иссякли. И еще, понимаете, я чувствую свой закат, я хочу настроиться на старость, на свой возраст. Не хочу быть смешной старухой, которая делает вид, будто не понимает, что происходит и как она выглядит. Вадик уже мешал мне сохранять достоинство.

Вот этот аргумент показался Фене настоящим.

– Лада училась в группе, которую я курировала, – продолжила Мария Ивановна уже другим тоном. – А Вадик вел в этой группе занятия. Мы оба работали в университете, – уточнила она. – Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что Лада сразу же заметила его: хорошо одет, водит иномарку, перспективная должность. А Ладочка хотела замуж за настоящего городского мужчину. Она ходила за ним следом, даже назначала свидания, хоть и знала, что Вадим живет со мной.

В какой-то момент я заметила, что Вадиму она нравится. Зачем мешать их чувствам?

– И между ними была духовная близость? – Феня не смогла скрыть иронию.

– Этого я не заметила, – в тон ей ответила Мария Ивановна. – Мне кажется, что у Вадика был кризис среднего возраста. Он вдруг понял, что половина жизни утекла, и ему захотелось снова пережить молодость вместе с юной Ладой. А духовная близость – она ведь никуда не исчезла. Мы с Вадимом оставались по-прежнему близки...

За окном уже совсем стемнело. Фене было не по себе оставлять Марию Ивановну одну.

– А где ваш сын?

– Он в университете, скоро домой придет.

Олежка учится в одной группе с Ладой. Видите, как мы все повязаны! Цепочки совпадений.

Я похожа на мать Вадика, Лада учится с моим сыном в одной группе, мы все друг друга любим. Правда, Ладочка с Олежкой общего языка не нашли: как встретятся, так крысятя.

Фене не хотелось спускать Марию Ивановну с небес на землю, а что было делать?

– В субботу он дома был?

– Что? Вы подозреваете моего сына? Но он дома был, со своей девицей. Всю ночь копошились в его комнате. Я ее видела: высокая такая, крупная, загорелая, как мулатка. И губы... Они их гелем накачивают?

Из чистого любопытства Феня решила дождаться Олега и дождалась – через три минуты. Парень торпедой проскочил мимо комнаты, в которой его мать общалась с гостей, к своей комнате, а через минуту – назад. Хлопнула дверь. Ни слова, ни лика Фене уловить не удалось.

Она попрощалась с Марией Ивановной и ушла.

Ехал Грека через реку

Фене хотелось вернуться в Приэльбрусье Она уже позвонила Наталье, рассказала о своей встрече с нимфоманкой, оказавшейся вовсе не нимфоманкой, узнала, что и в этот день дети резвились, как белые медвежата, папа наслаждался бордом, а сама Наталья проскучала весь день в кафе.

– Не мое это – снега, лыжи-пыжи, метели и прочее, – заключила Наталья. – Я уговариваю твоего отца ехать назад в Гродин. Вру, что дел в агентстве полно. Кстати, заскочишь туда?.

В брачное агентство «Юдифь», которым владела Наташа, Феня просто обязана была заскочить. С некоторых пор она выполняла в агентстве обязанности советника. Ей очень нравилась неопределенность этого слова и таинственные обязанности, которые подразумевались этой должностью. Что делают советники? Советуют. Как мило! Но это право Феня заслужила тяжелым трудом.

Утром она встала пораньше, сделала зарядку, съела овсяную кашу и отправилась выполнять свои служебные обязанности.

Брачное агентство «Юдифь» процветало всего лет пять, а до жирных коров были времена коров тощих, когда имена обеспеченных дам и джентльменов Гродина не заполняли клиентскую базу агентства. В то время мало кто понимал, как работает «Юдифь», приходилось раз за разом объяснять случайно заглянувшему старым девам, что это брачное агентство не ищет невестам женихов, и наоборот. «Юдифь» организовывала клиенту брачные отношения с уже выбранным объектом, причем совершенно не важно, что объект от клиента воротит нос. Задача Фени и Наташи как раз заключалась в том, чтобы создать ту самую взрывную ситуацию, в которой судьба чиркала спичкой и вспыхивало пламя любви.

Для этого дела приходилось потрудиться. Феня дотошно изучала объект и его пристрастия, а потом рекомендовала клиенту (клиентке) способ понравиться объекту. Иногда достаточно было просто перекрасить волосы, иногда – стать кем-то иным, поработать над собственным характером, чему-то научиться и даже кое-чего добиться. Словом, требовалось любовь свою заслужить.

Само собой, не все клиенты стремились измениться, а портреты тех, с кем они мечтали связать жизнь, иногда получались просто отталкивающими. Кое-кто из клиентов – чаще мужчины – в разгар преобразований заявляли да гори оно все синим пламенем, не хочу больше этого человека! И были случаи печальных ошибок, когда Феня неправильно понимала суть личности объекта или пропускала что-то из его биографии, а это «что-то» – бабах! – и разносило в клочья продуманный план любовного романа, неизменно ведущего к брачным узам. Да, все это тоже бывало, но чаще все же дельце выгорало.

За восемь лет деятельности Феня поняла, что к отношениям, ради которых приходится поработать, люди относятся куда более серьезно. Цифры доказывали то же самое: почти девятьюстами процентов клиентов «Юдифи» сохраняли брак и считали отношения в семье хорошими. Правда, и прожили они вместе не более восьми лет...

Работа в брачном агентстве Фене нравилась, она даже считала, что рождена для нее, потому что для выполнения задач требовались именно те сильные стороны, которыми Феня была наделена в полной мере.

Собирая сведения о будущей паре своего клиента, Феня применяла внимательность и наблюдательность. Изучая человека до мелочей, она пользовалась отточенной интуицией. С каждым случаем накапливала опыт, который систематизировала для себя, находя ему применение в следующих рабочих ситуациях. И было это так интересно, как читать книги или смотреть классное кино.

Феня создала собственный метод изучения личности объекта – метод эмпатический. Он основывался на элементарной жалости – ведь всех можно пожалеть, хотя бы потому, что все умирают. Жалость не казалась Фене унижающим чувством: вот у меня все хорошо, а ты – жалкий тип. Ее жалость всегда становилась дорогой к пониманию. Она точно знала, что богатые и бедные, глупые и умные, талантливые и бесталанные – все переживают, огорчаются, злятся и тревожатся. Если ты понял, за что можно пожалеть человека, то ты узнал о нем все.

Технически это происходило так: Феня как бы становилась изучаемым человеком. Она «влезала» в его итальянские туфли или в ее кожаную юбку, ощущая, что туфли производят впечатление, но из-за низкого подъема от них болят ноги, а в сексуальной юбке безбожно жарко.

Тот же принцип помогал Фене и в расследованиях детективного агентства «Просто Бонд», если ее, конечно, звали помогать.

* * *

Один из наиболее трудозатратных в Фениной практике случаев произошел несколько месяцев назад. В «Юдифь» пришел Лукас Марлополус, сын главы греческой диаспоры Гродинской области. Папа у Лукаса был богатый, работа денежная, машина шикарная, прикид дорогой, плюс квартира (роскошная, да, роскошная), загородный дом и... Феня всего уже не могла вспомнить. Ей, даме нематериальной (гляньте только на ее кеды), имущественные показатели персоны не говорили ни о чем. Точнее, подобную информацию Феня интерпретировала шаблонно: богатые честными, порядочными и милыми в Гродине не бывают. Вот и в случае с Лукасом она решила, что он просто папенькин сынок, ничего собой не представляющий. Тут Феня допустила системную ошибку, потому что Лукас-пустышка не влюбился бы в обычную русскую разведенку с двумя детьми и непонятной нерусской гордыней по имени Катя.

Лукас приглашал Катю в рестораны (Катя всегда отказывалась), носил ей под дверь букеты и конфеты, пытался дарить подарки (а она не брала), он бы и душу продал за возможность провести с ней хотя бы пару часов на людной улице, но Катя шарахалась от него как от чумы.

А Наташка уже наобещала влюбленному кудрявому греческому принцу, что брачное агентство решит его проблему, так как он положил на ее стол три пачки денег, и это был аргумент.

Получив задание поженить Катю и Лукаса, Феня съездила к детскому садику, в котором воспитывались отпрыски потенциальной невесты. Посмотрев на Катю, объявила Наташке: деньги придется Лукасу вернуть. Мотивировала тем, что возлюбленная им Катя – совсем не то, что Лукас себе возомнил. Ее купить не удастся, она детям на ночь Сент-Экзюпери читает.

Наташка развопилась, что Лукас – ценнейший в ее жизни клиент и не надо ей напоминать, что она обо всех своих клиентах говорит то же самое! Лукас порекомендует «Юдифь» друзьям и знакомым, а это – новые деньги, новые перспективы.

Видя, что Феня уже поддается, Наташа размазала тушь по щекам, что должно было изображать слезы, и жалобно запричитала: Варьку надо образовывать, а матери, милой старушечке Славовне, нужна серьезная операция. Устыдившись, что Наташка пала до откровенной лжи (Славовна отличалась незыблемым здоровьем и аппетитом), Феня перешагнула через свои мнения и сомнения, вяло выразив согласие женить Марлополуса.

Наташья имела мышление бизнесвумен, что приходилось прощать.

Для начала Феня попробовала схитрить: поехала к греку и долго-долго говорила с ним, рассказывая, что за птица его избранница. Феня рассчитывала, что Лукас послушает о Кате то да се, а потом скажет: не жана это для греческого парня, не жана! И снова Феня, как говорилось в пору ее юности, обломалась. Лукас слушал истории о Кате с раскрытым ртом, отчего стал немного похож на кудрявого дауна. Он прикладывал красивую длиннопалую ладонь потомка

Фидия к мускулистой груди и шептал ласковые греческие слова, посвященные Кате, ее детям и даже Сент-Экзюпери.

Кстати, советник брачного агентства посоветовала клиенту почитать этого самого летчика-писателя, чтобы говорить с Катей на одном языке. После той встречи Феня радикально переменяла мнение о клиенте: своим влюбленно-дурашливым видом Лукас разжалобил ее, и тогда она его поняла.

Через три дня у Фени был готов план работ по завоеванию Катиного сердца, и она снова встретила с Марлополусом. Для начала отругала его за самодеятельность, ибо какого же лысого черта он приставал к женщине своей мечты без помощи профессионала? Теперь Катя знает, что Лукас и есть тот самый кретин, что пытался купить ее за брошку с бриллиантами. (Увы, реальный эпизод, о котором Катя поведала своей парикмахерше.) И Феня, севшая к той же самой мастерице после Кати, без наводящих намеков узнала все детали этой позорной истории. Мастерица, правда, считала, что бриллианты – это гиперцена для выдавшей вида бабы с довесками, а Катина принципиальность ей казалась высокомерием не по карману.

Итак, Лукас должен был не просто показаться Кате во всей красе, а еще и исправить неверное первое впечатление, что казалось уже совсем невероятным.

Для начала Феня повелела Лукасу организовать для детского сада, в котором Кате приходилось ежедневно оставлять своих отпрысков, представление в театре. Причем – бесплатно. Мероприятие надо назначить на выходной день, и пусть с детьми придут родители. Феня рассчитала так: Катя целый день работает на нелюбимой работе (имея высшее филологическое образование, Катя пахала в колбасном цеху – только ради денег), она скучает по детям, и ей одновременно не хватает ни сил, ни денег, чтобы куда-нибудь их организованно вывести. Посему Катя с восторгом пойдет с детьми в театр, хотя бы ради возможности увидеть людей, не занятых на колбасном производстве.

Лукас купил все билеты в маленьком зале театра на субботнее дневное представление «Маленького принца». И Катя оказалась в числе пришедших родителей. Увидев это, Феня сказала клиенту: «Хочешь завоевать львицу, приручи ее львят» – и вытолкнула Лукаса якобы на случайную встречу с Катей в фойе театра. Лукас подошел к любимой, но с ней едва поздоровался, а вот малышей тут же пригласил на лимонад с пирожными. Дети повелись, ибо их нечасто баловали сладостями, и неприятно ошеломленной встречей с приставучим ухажером Кате пришлось поучаствовать в банкете Лукас, небрежно заметивший, что в память о своем дедушке-актере (его он придумал экспромтом, за что Феня после хвалила) он организует для детей просмотр представления за свой счет, стал выглядеть в ее глазах уже чуть человечнее.

После кормления львят пирожными Лукас предстал перед Феней восхищенный и испуганный: что будет дальше? А дальше Феня собиралась решить все Катини проблемы с работой. Для этого она потрясла связями брачного агентства, припомнив среди клиентов некую даму, владелицу рекламного бюро. Благодаря Фене она, между прочим, вышла замуж за «сына молзавода» и теперь жила как сыр в масле. Поболтав с дамой, советник выяснила, что рекламное бюро сотрудничает с одним московским издательством, выпускавшим литературный журнал для авторов, проживающих в регионах. И – очень кстати! – издатели журнала нуждаются в редакторе по ЮФО, то есть в человеке, который будет отбирать подходящие для их журнала произведения из вала поступающих на электронную почту издательства рукописей и готовить их к верстке. Платили прилично.

Предложение о работе Лукас озвучил Кате небрежным тоном, якобы случайно встретив ее на улице, что не запрещено. Измученная колбасой Катя спросила, не подойдет ли на эту работу она сама? Лукас не сдержался, чуть не испортив дело, брякнул, что Катя – как солнце в небе, она всегда и везде подходит. Может быть, если бы Катя была в лучшей форме, она бы этот комплимент не пропустила, а Лукаса сочла бы приставалой, но перспектива работать с чем-то интереснее костной муки, сои, химических ароматизаторов и закоптите-лей была ей

так сладка, что она не обратила внимания на бред про солнце, заметив только свет в конце тоннеля.

Так Катя устроилась в уютном кабинетике за удобным столиком и погрузилась в чтение творений местных графоманов. Феня запретила Лукасу появляться на ее горизонте до первой зарплаты, с тем чтобы всплыть снова и получить законную благодарность от ошарашенной Кати. Так и случилось: Лукас якобы по делам зашел в рекламное агентство и заглянул в кабинет Кати, а она пригласила его на кофе в перерыв. Вечерние мероприятия все равно оставались за гранью возможностей, так как после работы Катю поглощали заботы о детях. Кстати, тут ей тоже требовалась помощь.

Феня подумала минут пять и снова обратилась к бывшей клиентке, чтобы попросить ее устроить Кате удаленную работу. А что такого? Катя и так уже работает удаленно, ведь ей приходят рукописи со всего округа, а отправляет она их в Москву. Какая разница, будет она при этом торчать в офисе с девяти до восемнадцати или станет решать рабочие вопросы, находясь дома? Халтурить Катя не будет, ведь, во-первых, она человек ответственный, во-вторых, делает интересное дело. А находясь дома, она сможет не тратить время на утренний макияж, поездку до офиса и назад, а также – на болтовню с коллегами, которая, как известно любому руководителю, сжирает рабочего времени до восьмидесяти процентов. Бывшая клиентка Фени вняла доводам и разрешила Кате работать дома.

С этих самых пор Катя стала успевать все и даже принимать гостей, то есть Лукаса Марлополуса, что и требовалось Фене.

В амплу детолюба, хорошего человека и доброго друга Лукас устраивал Катю все больше – так рассказывал он сам. Ну а остальное решила природа. Этого Феня и ожидала: молодая женщина и молодой мужчина, ее проснувшееся желание нравиться (колбасой-то от одежды не прет!) и его желание угодить – все это плюс разные детали биографии сливались в реку взаимных чувств. Сначала тихую, потом – полноводную, затем – быструю, ну а в итоге – низринулась Ниагара страсти!

Свадьбу справили в мае, не испугавшись маяться всю жизнь. Марлополусы приняли Катю очень хорошо. Лукас, дожив до тридцати пяти лет, ни разу не знакомил родителей с потенциальными невестами, поэтому они уже отчаялись пережить о его одиночестве и продолжения рода не ждали. Но вот появилась Катя, двое приемных внуков разом и перспектива заполучить собственного, родненького...

Словом, агентство со своими обязанностями справилось.

Входя в «Юдифь», Феня всегда испытывала такое чувство, будто она старик с бакенбардами, а именно так советник по брачным вопросам представляла себе типичного основателя делового предприятия. Однажды она поделилась этой мыслью с Наташкой, рассчитывая насмешить подругу, а Наташка, не рассмеявшись, призналась, что и сама такое ощущает. Им обоим не нравилась мысль, что родоначальники современного бизнеса в России – толстошеи в малиновых пиджаках или пронырливые урки в варенках. Джентльмены с бачками и в цилиндрах им нравились больше.

Почесывая место на правой щеке, где никогда не вырастут бачки, Феня шла по офису агентства и здоровалась с сотрудниками. Сейчас их стало много, а прежде справлялись Наталья, Феня и Эльдар с Татьяной. Эльдар, как бывший актер, участвовал в разного вида мистификациях, разыгрывая то ревнивого жениха, то строгого брата, а то и просто бандита, от которого надо было защитить клиентку. Сценарии Эльдару создавала Наталья. А Татьяна с говорящей фамилией Трон была, есть и будет главным спецом по красоте. Правда, на данный момент Татьяна находилась в декрете, так как Феня и ее выдала замуж, причем за отличного мужика, сотрудника детективного агентства «Просто Бонд», Васю.

Теперь в «Юдифи» работали двенадцать человек. Трое из них собирали информацию об объектах клиентов, трое придумывали, каким способом познакомить клиента с объектом, чтобы клиент оказался подан в лучшем свете. Сотрудничали с агентством еще и психологи, которые просчитывали совместимость клиента и объекта, стилисты, тренеры по фитнесу, специалисты по правильному питанию.

Обойдя кабинеты уютного особнячка, в котором размещалось агентство, Феня устроилась на рабочем месте Натальи. Проверила почту, попросила сотрудников рассказать о делах. Некоторые вопросы пришлось обсудить, а кое-где Феня просто раздала инструкции.

Завершив труды праведные, она промокнула лоб и позвонила Вязниковой.

– Наташ, сейчас у нас в деле десять разработок. Три приближаются к финалу, то есть объекты очарованы, клиенты не разочарованы. Семь других – на разной степени... Рассказывать?

– Не стоит, – ответила подруга как-то необычно вяло. – Володя завтра привезет нас в Гродин, тем более что Степка заболел.

Попрощавшись с Наташей, Феня вышла из «Юдифи». В этот момент позвонил Валерка:

– Фень, поехали со мной к Олегу Кокареву!

– А ты с ним еще не виделся?

– Представь себе – нет!

– Чем же ты занимался? – Феня не смогла удержаться от игривого тона, припомнив, что вчера Валерка уехал от ее дома в компании томной вдовы.

– Искал его, – прохладно ответил детектив. – Парень не был в университете, не был дома. Подозрительно, по-моему.

– Вообще-то Мария Ивановна сказала, что Олег всю ночь с пятницы на субботу веселился дома со своей девушкой. А вчера он приезжал домой около восьми вечера. Прошел в свою комнату и снова убежал. Я его видела.

– Понятно. Значит, у него алиби? В любом случае с ним надо поговорить.

– Я с тобой! – отозвалась Феня.

Парня в горы тyani

Олег Кокарев шел им навстречу по освещенному утренним солнцем переходу между корпусами: невысокий, с мелкими правильными чертами лица, очень похожими на черты его матери.

Феня припомнила старую истину, что лицо – это только физическая форма, которая с годами продавливается внутренней сущностью, выдавая тем самым черты личности человека. Что можно сказать о двух очень похожих лицах, если одно из них улыбается сквозь слезы, а другое – брезгливо морщится при любом раскладе?..

Валерка бросил на Феню вопрошающий взгляд: он хотел знать, похож ли Олег Кокарев на убийцу в балаклаве. Феня слегка пожалала плечами: комплекцией – похож, как и сотня других студентов в этом вузе.

Валерка представился Олегу. Феня осталась за плечом детектива, по обыкновению наблюдая за его собеседником.

– Вы полицию обгоняете, – сказал Олег с деланным дружелюбием. – Они утром позвонили, вызвали меня на три часа. Кстати, а почему я должен с вами говорить?

Валерка приятно улыбнулся:

– Не должен, конечно. Но если вы заинтересованы в поимке убийцы, то лучше нам пообщаться.

– Да мне все равно.

– Почему? – спросила Феня. – Даже мне интересно, кто убил Вадима Кокарева, а вы все-таки ему брат – и вам все равно?

Кокарев на провокацию не поддался:

– Вадик на много лет старше меня, так что мы особо не дружили. И не надо мне тут морали читать! Вы еще небось и алиби потребуете?

– А оно имеется? – спросил Валерка.

– Все нормуль, все есть! Мне полицейский из... этих гор, где брата убили, звонил!

– Ну это вряд ли железное алиби!

– У меня девушка ночевала, и мать ее видела. Спросите мать!

– А девушка подтвердит? Как ее найти?

– А вы в соцсети посмотрите. Ее ник – Рулетка. Все, что мы делали в субботу утром, – там. Забыв попрощаться, Кокарев ушел.

– Рулетка? – переспросил у пустого места детектив. – Ну хорошо...

– Да зачем она нам? – легкомысленно отозвалась Феня. – Мария Ивановна ее видела, так что...

– Мы говорим об алиби главного подозреваемого, – строго осадил ее Мирончук. – Надо проверить все детали, всех людей, время, совпадения, расхождения и прочее. Ясно?

За пятнадцать секунд своего монолога он вошел в Интернет со своего мобильного, мигмом обнаружив в соцсети страничку Рулетки. Увиденное заставило его остолбенеть:

– Феня, куда, интересно, модераторы смотрят? Это же порно.

Феня живенько заглянула через локоть Валерки и убедилась: это порно.

– Смотри-ка, у него на руке часы, – сказала она, стараясь не замечать, что делает этой рукой Олег. – Время – десять часов. За окном светло, значит, утро. А день какой? Вот дата внизу записи. Суббота.

Диалог с самой собой Фене пришлось вести, потому что детектив молчал, глядя в сторону. Наконец он произнес:

– Придется встретиться с этой Рулеткой. Только я не буду с ней говорить, так как...

– Слишком много видел, – понимающе кивнула Феня, подумав при этом: «Бедняжка, уж завел бы любовницу, и мозги бы лучше работали!»

Валерка просмотрел личные данные Рулетки. Она не скрывала место своей работы – массажный салон «Горячий шик». Туда-то детектив и отвез Феню.

– Забыл сказать, – опомнился он, когда консультант уже выбиралась из салона «патриота», – Хвостов был мил и соизволил сказать, что телефон Олега во время смерти Вадима Кокарева был зафиксирован в Гродине. Его алиби крепчает!

– Раз ты сказал – проверять все, буду проверять все, – ответила Феня.

Феня остановилась возле изумительно сексапильной девушки-администратора, покрытой ровным золотистым загаром, сияющей фиалковыми глазищами.

– А что, Рулетка очень хороший массажист? – спросила Феня, испытывая смущение пред всей этой красотейшей.

– Светка-то? Ну, пойдет. А вы массаж хотите, что ли? – В голосе администраторши сквозило высокомерное недоумение.

Только тут Феня сообразила, что выглядит она не совсем так, как должно выглядеть, если ты заходишь в дорогой бордель, бутик, салон красоты или любое другое место, оснащенное высокомерной администраторшей за стойкой. В Гродине даже на рынок дамы ходили в брендовой обуви на шпильках, ибо надо было произвести впечатление и на торговца мясом в том числе. Иначе тебя сочтут за бедноту, а это неприлично.

А вот Феня сегодня (да и всегда) нарядилась в престарелые джинсы и куртку типа «и в хвост, и в гриву», отметившую от своего рождения в Китае десятилетие трудовой жизни.

– У нее дорого, – сообщила администраторша, уже переходя к своему природному хамскому стилю общения. – У вас нет столько денег.

Феня достала из кармана красивую оранжевую купюру.

– Вообще-то мне массаж ни к чему, – сообщила она. – Мне больше нужна информация о Рулетке. И если у вас она есть, то лучше я заплачу вам, чем массажистке.

Девушка заметно подобрела:

– А что знать хотите?

Феня продолжала держать руку с купюрой на стойке.

– Рулетка – проститутка?

– Нет, но... В смысле, она может трахнуться с клиентами салона, но по жизни – нет.

– Ну а парень у нее есть?

Администраторша очень хотела оранжевую купюру, поэтому ничего уточнять не стала.

– Есть.

– А кто этот парень?

– Студент какой-то.

– Давно встречаются?

– Пару месяцев.

– Это он? – Феня показала ей фото Кокарева.

– Похож. А вы не видели страничку Рулетки в Сети?

– Нет.

– Вчера она выложила супероткровенные видео. – В фиалковых глазах девы отразилось отвращение. – С этим парнем... Не понимаю, зачем она такие вещи делает?

– А в субботу она работала?

Девушка полистала толстую тетрадь, лежащую перед ней на стойке.

– Нет, не работала.

– Наверное, позвонила поздно вечером, сказала, что заболела, не выйдет на работу. Так было?

– Откуда вы знаете?

С самой Рулеткой Феня тоже пообщалась – для отчета Валерке в основном. Девушка держалась с Феней официально и даже настороженно. Ее удивил визит тетки из детективного агентства, оказывается, она ожидала полицейского.

– А почему вы решили, что к вам полиция нагрянет? – спросила Феня.

– Ну как... Олег позвонил вчера, сказал, что брата убили. И что я – его алиби.

– А вы брата знаете?

– Откуда?

– Ну а что бы вы полиции рассказали?

Рулетка продолжала смотреть на нее почти испуганным взглядом.

– Давайте отретпируем ваши слова, – предложила Феня, – они все равно придут.

Девушка решила, что гостя шутит, и улыбнулась, показав мелкие неровные зубы, выдававшие ее происхождение. Обычно люди с такими зубами вырастают в семьях, где родители мало заботятся о правильном питании детей и уходе за зубами.

– Олечка – мой парень, мы с ним хорошо развлекаемся, – проговорила Рулетка, закури-вая. – Я была у него в ночь с субботы на воскресенье и утром ушла чуть ли не в обед. Его мать меня видела, кстати. А... сколько детективы денег получают?

– А я не знаю, – легко соврала Феня. – Работаю по бартеру. Мне зарплату выдают борзыми щенками.

– Вы их на рынке продаете?

– Ага.

– Щенки – это же такая возня! – Рулетка ощутила превосходство своей профессии по сравнению с работой частного детектива. – А кто вас нанял?

– Я думаю, что Олег Кокарев. Ведь это его брата убили.

Рулетка очень удивилась:

– Откуда у него щенки? И потом, Олег брата не слишком любил.

– Почему?

– Не знаю. Ой, я ничего такого сказать не хотела!

– Гафуров передал дело Кокарева в Гродинский следственный комитет, – сообщил Валерка. Он привез своего консультанта в ресторан «Центральный» и кормил ее суши. – Ты слышишь меня?

Феня открыла глаза. Первый ролл она всегда съедала с закрытыми глазами – для полноты вкусовых ощущений.

– Слышу, Валерочка, – ответила она. – И чего?

– А того, что вести дело будет твой любимый капитан Хвостов.

Это было жестоко: в апофеоз наслаждения напоминать о Хвостове, который сам напоминал какое-то тропическое земноводное вроде хамелеона или игуаны, но с крокодильими зубами.

Феня имела такую привычку – ассоциировать людей с животными, это ее забавляло. Красавчика Валерку она считала похожим на тушкана, они с Натальей так его и называли: Тушкан. Отец Фени слегка напоминал ей волка в годах, вроде Акелы, но подобнее и часто забавного. Наташа не раз слышала, что она – кошка, а себя Феня считала собакой или лисицей, хоть она и не была гавкучей или рыжей. Просто видела в себе собачье: преданность, дружелюбие и откровенность реакций. И видела в себе лисье: умение хитрить по необходимости и замечать хвостом следы.

Официант поставил перед Валеркой бефстроганов с салатом, и детектив тут же принялся за еду. В отличие от своей помощницы, он суши не ел, даже за еду не считал.

– Итак, Лада считает, что Олег жестоко зарезал брата, – рассуждал Валерка, – но у Олега есть алиби и нет мотива для убийства. В смысле, что квартира брата достанется Ладе. Могла ли она сама заказать Вадима, а теперь пытаться свалить вину на младшего Кокарева, так как все знают, что он терпеть не мог брата?

– Пока неясно, – ответила Феня, любовно пересчитывая роллы на тарелке. – Для убийства нужны весомые причины. «Мы особо не дружили» – этого недостаточно.

– А Мария Ивановна могла заказать своего бывшего?

– Из ревности?

– Это противно, когда любимый человек отбрасывает тебя, будто старую кроссовку.

Тушкан и сам не заметил, что в двух словах описал финал их с Феней нежных отношений шестнадцать лет назад он объявил Фене, что его любовница Майя беременна. Впрочем, Феня себя сношенной обувью не чувствовала и зла не таила.

– Не могла, – ответила она. – Эта мечтательница в облаках витает.

Валерка напомнил себе:

– Так, надо не забыть позвонить Хвостову и сообщить, что мы в деле.

На это Феня съязвила:

– То-то он обрадуется!

– Таков неписанный закон: я должен открывать перед ним карты, а он за это иногда – закрывать глаза. Кстати, что ты думаешь про наших фигурантов? Метод твой работает?

Феня смутилась: в прежние времена она даже отчеты составляла по каждому случаю, а сейчас совсем обленилась.

– Мой метод, как ты знаешь, заключается в понимании человека. А для этого мне надо его пожалеть, понять, что не так и отчего он мучается. Если мучается, конечно. Пока мне жаль только Марию Ивановну, да и то не потому, что ее оставил Вадик и женился на Ладе, а потому, что он погиб.

– Ну а бедняжка Лада? Она такая хрупкая в этом грубом мире!

– Не жаль мне ее, и все тут. Лада – существо утилитарное, простенько устроенное, с амбициями. Если она нашла исполнителя для своего замысла, то нам надо это доказать. Олег на роль убийцы тоже вполне годится. Во-первых, физически он готов к преступлению, а во-вторых, мог близко подойти к Вадиму, не вызывая подозрения. И человек он неприятный. Вспомни видео с Рулеткой – даже сексом занимается с таким видом, будто ему противно.

– А по способу убийства что скажешь?

– Думаю, что убийца решил свалить убийство на страшных кавказских бандитов. Дескать, головорезы напали и... Только мне кажется, что бандюганы скорее затеяли бы крикливые разборки, собрали целую толпу народа, и только потом произошла бы драка и поножовщина. А тут – стиль ниндзя: пришел, зарезал и ушел. Не по-нашему это, не по-бразильски.

– В принципе согласен. Мне удалось найти знакомых в следственных органах КБР, они сказали, что подобного рода убийств в тех местах не было. Лет десять назад случилось несколько таких инцидентов: туристы и охотники погибали, нарвавшись в лесу на боевиков. А чтобы туриста в кафе зарезать – такого еще не было. Надеюсь, и не будет – лично мне сноуборд понравился, я еще хочу в Приэльбрусье приехать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.